

DOI 10.15393/j10.art.2015.2464

Владимир Николаевич Захаров

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской литературы и журналистики
Петрозаводского государственного университета
vnz01@yandex.ru

КТО ПОДАРИЛ ДОСТОЕВСКОМУ ЕВАНГЕЛИЕ В ЯНВАРЕ 1850 ГОДА?*

Аннотация. Достоевский пробыл в Тобольске с 9 по 20 января 1850 год. Здесь ему и другим участникам заговора Петрашевского жены декабристов подарили Евангелие, которое было источником его размышлений и творческих вдохновений. Память об этом событии стала литературным фактом и отразилась в документах, переписке, мемуарах, в художественных текстах. В поздних воспоминаниях, пересказах и интерпретациях имеются разного рода неточности, ошибки и искажения, которые не соответствуют фактической стороне события. В статье дан критический анализ источников, установлены обстоятельства и хронология пребывания Достоевского в Тобольском тюремном замке. В своих воспоминаниях писатель раскрыл символический смысл исторической встречи декабристов с петрашевцами, но не сказал, как это было. Реконструкция события возможна по письму Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину, написанному 18—22 мая 1850 года. «Тайное свидание» могло состояться в воскресенье 15 января, а передача книг и денег в переплете — в любой из дней с 16 по 19 января. Из письма Натальи Дмитриевны следует, что вручил книги и открыл каждому арестанту секрет переплета жандармский капитан Смольков, которого она вовлекла в заботы об арестантах. Никто не отказывал в помощи: христианская любовь и милосердие объединили разных людей, были выше подозрений, вызывали человеческое сострадание и солидарность. Судя по всему, не было церемонии дарения Евангелия, которую можно вообразить, читая «Дневник Писателя» за 1873 года. В этом эпизоде Достоевский создал образ, эмблему, картину, в которой всё верно по существу, но фактическая сторона в некоторых бытовых подробностях была другой. В результате возникла символическая сцена, в которой проявились характерные особенности творческой памяти и поэтики Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Евангелие, Тобольск, декабристы, Наталья Дмитриевна Фонвизина, мемуары, творческая память

Казалось бы, всё ясно. Сам Достоевский засвидетельствовал, что Евангелие ему подарили жены декабристов:

«...въ Тобольскѣ, когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами. Мы увидѣли этихъ великихъ страдалицъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Сибирь. Онѣ бросили все, знатность, богатство, связи и родныхъ, всѣмъ пожертвовали для высочайшаго нравственнаго долга, самаго свободнаго долга, какой только можетъ быть. Ни въ чемъ неповинные, онѣ въ долгія двадцать пять лѣтъ перенесли все, что перенесли ихъ осужденные мужья. Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждого одѣлили евангеліемъ — единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой

въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго»¹.

В поздних пересказах и интерпретациях появляются разного рода неточности и искажения.

А. Г. Достоевская вспоминала:

«По словамъ его, Евангеліе было великимъ утѣшеніемъ и радостью за все время каторжной жизни. Досталось /оно/ Ѳедору Михайловичу слѣдующимъ образомъ. Ѳедоръ Михайловичъ вмѣстѣ съ Дуровымъ<ъ> былъ привезенъ въ Тобольскъ и помѣщенъ на пересыльномъ дворѣ. Въ тотъ же вечеръ, въ сопровожденіи конвойныхъ, они были приведены въ квартиру смотрителя острога (подкупленнаго декабристами) и тамъ то [встрѣтились] /находились/, какъ бы въ гостяхъ у смотрителя, жены декабристовъ: Анненкова, ея дочь (теперь О. И. Иванова) Муравьева и Фонъ Визина. Ѳ. М. провелъ съ ними весь вечеръ и на прощаньи получилъ въ подарокъ Евангеліе, въ переплетъ котораго были вклеены 15 руб. Это были единственныя деньги, имѣвшіяся у Ѳедора Михайловича за четыре года каторги (арестантамъ не дозволялось имѣть денегъ); онъ шли на улучшение пищи, покупку табаку и т. д.

Ѳедоръ Михайловичъ во всю свою жизнь никогда не разставался съ Евангеліемъ, даже въ поѣздки въ Москву на нѣсколько дней бралъ его съ собою. Дома оно лежало на письменномъ столѣ и въ него онъ любилъ вкладывать дорогія для него вещи, напр.: портреты дѣтей, ихъ письма и пр.»².

Пересказ Анны Григорьевны верен по сути, но неточен в деталях: смотрителя никто не подкупал, свидание с женами декабристов состоялось в другой день, а не в день прибытия арестантов, для Достоевского оно длилось не весь вечер, а около часа, Евангелия во время этой встречи ему никто не дарил, деньги не показывал, в переплете было не 15, а 10 рублей. Кто ошибся в деталях, трудно судить: возможны как ошибки памяти рассказчика, так и искажение его речи мемуаристкой.

Что же произошло в январе 1850 года в Тобольске?

В понедельник вечером 9 января с тракта одна за другой в Тюремный замок стали прибывать повозки с новыми арестантами в сопровождении фельдъегерей и жандармов. Всё было рассчитано давно: когда выезжать, сколько станций («станков») можно одолеть в течение дня, где ночевать, как успеть засветло к месту следования. Необычным был статус поступивших арестантов: это были не уголовные преступники, не бунтовщики поляки, не провинившиеся солдаты и унтер-офицеры, а еще недавно успешные столичные статские и военные чиновники, ныне государственные преступники, замешанные в «дело Петрашевского», а с ними и сам предводитель заговора.

Следующим днем, 10 января, Тобольский приказ о ссыльных послал дежурному генералу главного штаба Его Императорского Величества господину генерал-адъютанту Игнатьеву донесение за № 35 о том, что фельдъ-

егерь поручик Прокофьев³ доставил 9 января следующих в каторжную работу в крепостях Сергея Дурова и Федора Достоевского и на заводах — Ивана Ястржембского, что о назначении помянутых преступников «куда именно и о времени отправки их» будет сообщено особо. Сам поручик Прокофьев получил квитанцию за № 29 в ответ на отношение господина дежурного генерала главного штаба Его Императорского Величества генерал-адъютанту Игнатьеву от 24 декабря 1849 года за № 1031, из которой следовало, что упомянутые преступники приняты 9 января приказом о ссыльных. Документы подписаны управляющим Тобольского приказа о ссыльных надворным советником Павлом Кравчуновским, заседателем титулярным советником (подпись не разобрана) и исполняющим должность заседателя коллежским регистратором (подпись также не разобрана) [3, 704].

Достоевский провел в Тобольской пересыльной тюрьме двенадцать дней. Четыре года спустя они припомнились ему как шесть дней. Писатель ошибся в датах и сроках, но точен в других сведениях. Вскоре после выхода из Омского острога он писал брату Михаилу:

«11-го (sic! ошибка памяти. — В. З.) Января мы пріѣхали въ Тобольскъ, и послѣ представленія начальству и обыска, гдѣ у насъ отобрали всѣ наши деньги, были отведены; я, Дуровъ и Ястржембскій въ особую [комнат] /каморку/, прочіе же, Спѣшневъ и другіе, пріѣхавшіе раньше насъ сидѣли въ другомъ отдѣленіи, и мы все время почти не видались другъ съ другомъ. Хотѣлось бы мнѣ очень подробнѣе поговорить объ нашемъ шестидневномъ (sic! ошибка памяти. — В. З.) пребываніи въ Тобольскѣ и о впечатлѣніи, которое оно на меня оставило. Но здѣсь не мѣсто. Скажу только что участіе, живѣйшая симпатія, почти цѣлымъ счастіемъ наградили насъ. Ссыльные стараго времени, (т. е. не они а жены ихъ) заботились объ насъ какъ объ роднѣ. Что за чудныя души, испытанныя 25 лѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ. Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но они присылали намъ пищу, одежду, утѣшали и ободряли насъ»⁴.

В беседах с женой Достоевский назвал тех, кто поддержал петрашевцев в трудную минуту: Наталья Дмитриевна Фонвизина, Прасковья Егоровна и Ольга Ивановна Анненковы (мать и дочь), Жозефина Адамовна Муравьева, Петр Николаевич Свистунов и его жена Татьяна Александровна. Отметим, что в этом перечне упомянуты и супруги Свистуновы. П. Н. Свистунов был чиновником в канцелярии Тобольского губернского управления. Вероятно, это обстоятельство и сделало его ключевой фигурой в почтовой связи между Тобольском и Омском. Вместе со своей супругой и «женами декабристов» он помогал С. Ф. Дурову и Ф. М. Достоевскому.

Воспоминания Достоевского о пребывании в Тобольске нуждаются в пояснении.

Напомню:

«...жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами. <...> Свиданіе продолжалось

часть. Онъ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждого одѣлили евангеліемъ — единственная книга, позволенная въ острогѣ»⁵.

Из этого можно предположить, что петрашевцев оделили Евангелием во время свидания у смотрителя острога, но факты противоречат этому предположению.

Достоевский не уточнил обстоятельства вручения — он раскрыл смысл события, но не сказал, как это было.

О том, что было, рассказала Н. Д. Фонвизина в письме деверю Ивану Александровичу Фонвизину, написанном 18—22 мая 1850 года, несколько месяцев спустя после пребывания петрашевцев в Тобольске. Значительные фрагменты письма неоднократно приводились в исследованиях [1, 618—622], [2, 75—80], [4, 72—81], [5, 159—161]; полностью этот исключительной важности документ публикуется впервые.

Письмо отправлено не по почте, а с оказией и потому предельно откровенно⁶. В первые же дни появления петрашевцев в Тобольске декабристы проявили заботу о них:

*«Снабдили вѣсьмъ нужнымъ — и сношенія сначала этимъ только и ограничились»*⁷.

Как пояснила далее Наталья Дмитриевна, *«смотритель и семейство его были уже въ сношеніи съ нашими по случаю передачи съѣстныхъ припасовъ, бѣлья и платья нужнаго»*⁸.

С некоторым недоумением она отметила возникший с самого начала конфликт *«новыхъ жертвъ новыхъ идей»* и *«прежнихъ Либераловъ»*⁹. После оказания первой помощи петрашевцам помыслы декабристов сосредоточились на том, как тайно передать деньги главному арестанту — Петрашевскому. Сначала Наталья Дмитриевна отчужденно восприняла эти разговоры, но прямое обращение к ней за помощью вовлекло ее в общие заботы. Еще не зная, как передать деньги, она приготовила ладанку с мощами, зашила туда 20 рублей серебром и образок, сговорилась с «няней» Матреной Петровной Нефедовой идти на следующий день в острог к обедне. У «няни» в остроге был знакомый служитель Ипполит Кашкадамов, который посоветовал пройти в острог «под видом раздачи милостыни». Так и сделали. В больнице Наталья Дмитриевна навестила Петрашевского, от которого узнала, что в его «деле» замешан ее старший сын Дмитрий. Выйдя от Петрашевского и проходя мимо стоявшего у закрытой двери часового, она попросила открыть ее для раздачи подаяния — и часовой открыл: так она попала в камеру, где находились Спешнев, Григорьев, Львов и Толль. Во время затянувшейся беседы случилось опасное происшествие: произошла смена караула, и в камеру внезапно вошли дежурный офицер и жандармский капитан, не подозревавшие о посетительнице. От неожиданности растерялись все, в том числе и жандармский капитан. Все — кроме Натальи Дмитриевны, которая непринужденно завела светскую беседу со знакомым жандармом, что возымело действие:

«Смольковъ жандармъ говорилъ мнѣ послѣ, что моя смѣлость такъ его поразила, что онъ рѣшился содѣйствовать намъ — и сдѣржалъ слово»¹⁰.

Успех окрылил. Удалось не только раздать подаяние, встретиться с политическими преступниками, провести душевные беседы с ними, но и вовлечь в заботы о них служителей острога и жандармов.

По возвращении домой у Натальи Дмитриевны возник новый план: вместе с другими дамами ехать под вечер к смотрителю, офицеру «из кадетов и предоброму юноше», и упросить его «видеть узников». Вначале привели и увели Петрашевского, потом привели четырех, через некоторое время трех остальных, среди них Достоевского.

Достоевский застал финал и апофеоз тайного свидания. Он вспоминал эти минуты с восторгом. В его памяти запечатлелись *«участіе, живѣйшая симпатія, почти цѣлымъ счастіемъ наградили насъ», «состраданіе и соболъзнованіе», «совершенно безкорыстное, святое», «заботились объ насъ какъ объ роднѣ»¹¹.*

Во время встречи Наталья Дмитриевна тайно предложила Дурову назваться ее родственником, чтобы «быть ему сколько-нибудь полезной».

Со слов Достоевского, он пробыл в квартире смотрителя примерно «съ часъ».

Наталья Дмитриевна точнее отметила время окончания свидания — «перед зарей»:

«Передъ зарей, /т. е. когда вечеромъ бьютъ зорю/, мы возвратились домой но я продолжала посѣщать племянника и мнѣ уже не препятствовали, — всѣ офицеры наперерывъ давали свидан[і]я/я не только съ Дур<овымъ>, но и со всѣми его товарищами»¹².

В войсках и крепостях вечернюю зорю играли в девять часов пополудни. За пятнадцать минут до зори начиналась поверка: выстраивался караул, проводилась переключка, объявлялись приказы и наряды, и т. п. Для подготовки к поверке нужно было заранее доставить арестантов в казематы, приготовиться к построению. Очевидно, что встреча была завершена не позднее, чем в начале девятого часа.

Когда состоялись посещение острога и вечерняя встреча у смотрителя?

Напомню хронологию события.

В понедельник вечером 9-го января арестанты прибыли в Тобольский тюремный замок. В течение нескольких дней декабристы пытались проявить заботу об осужденных фурьеристах: их «снабдили всем нужным», кроме денег. Предложение мужа и его товарищей передать деньги Петрашевскому Наталья Дмитриевна получила накануне своего визита в острог.

Когда это могло быть?

Обычно Наталья Дмитриевна ходила к обедне в воскресенье. В тобольском сроке Достоевского единственным воскресеньем было 15 января.

Это могла быть и суббота 14 января, отдание праздника Богоявления, но, скорее всего, именно в этот день состоялось собрание декабристов, на котором было решено передать деньги Петрашевскому.

Была ли у Натальи Дмитриевны возможность в первый день знакомства с петрашевцами приготовить восемь экземпляров Евангелия, разрезать переплет, вложить деньги? Умела ли она таким образом прятать деньги? Саму Наталью Дмитриевну научил, как это сделать, жандармский капитан Смольков. Из ее рассказа следует, что именно он и передал деньги в переплете книг:

«Этотъ жандармъ встѣмъ остальнымъ передалъ тайныя деньги, вдѣланныя въ книги, и показалъ каждому какъ доставать и какъ опять заклѣивать»¹³.

По этому поводу Достоевский вспоминал:

«При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякій случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетѣ Евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата»¹⁴.

Передать «тайные деньги» и книги капитан Смольков мог в любой из дней с 16 по 19 января.

Из письма Натальи Дмитриевны следует, что после первой встречи она беспрепятственно посещала острог.

Это именно те шесть дней, которые отложились в эмоциональной образной памяти Достоевского.

Судя по всему, не было церемонии дарения Евангелия, о которой писал Достоевский в «Дневнике Писателя»:

«Они благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждого одѣлили евангеліемъ»¹⁵.

«Благословили» и «перекрестили» было, но дарение происходило иначе, в другое время и в иной обстановке.

Таковы особенности творческой памяти: Достоевский создает образ, эмблему, картину, в которой всё верно по существу, но фактическая сторона события была в некоторых деталях другой.

Вероятнее всего, идея подарить петрашевцам Евангелие принадлежит Н. Д. Фонвизиной, подарили «жены декабристов», передал книги и открыл каждому арестанту секрет переплета со спрятанными деньгами жандармский капитан Смольков. Кто сей доблестный капитан? Пока мы не знаем даже его имени.

«Жены декабристов» — собирательный образ. Кроме них, в заботах о «новых жертвах новых идей» участвовали дочь декабриста О. И. Анненкова (в замужестве Иванова), дочь тобольского прокурора М. Д. Францева, лекарь, смотритель острога и даже жандармы. В их тени остались незаметны тобольские декабристы: М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, П. Н. Свистунов, А. М. Муравьев, Ф. Б. Вольф... Кто еще?

Христианская любовь и милосердие объединили разных людей, были выше подозрений, вызвали человеческое сострадание и солидарность.

Смольков устроил еще одно свидание Натальи Дмитриевны с Дуровым и Достоевским:

«Жандармской Капитанъ» предложилъ даже Михаилу Александровичу за рѣчку при отправленіи Дурова и Достоевскаго имѣть съ ними свиданье и мы ѣздили. Я жандармовъ просила беречь дорогой Господь»¹⁶.

В пятницу 20 января Достоевский и Дуров покинули Тобольск, и по дороге в Омск за Иртышом их ждали Наталья Дмитриевна Фонвизина и Марья Дмитриевна Францева, которая описала подробности прощального свидания за Иртышом по дороге из Тобольска в Омск:

«Узнавъ о днѣ ихъ отправленія, мы съ Натальей Дмитриевной выѣхали проводить ихъ по дорогѣ, ведущей въ Омскъ, за Иртышъ, верстъ за семь отъ Тобольска. Морозъ стоялъ страшный. Отправившись въ своихъ саняхъ пораньше, чтобъ не пропустить проѣзжающихъ узниковъ, мы заранѣе вышли изъ экипажа и нарочно съ версту ушли впередъ по дорогѣ, чтобъ не сдѣлать кучера свидѣтелемъ нашего съ ними прощанья; тѣмъ болѣе, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи въ Омскѣ хорошему своему знакомому, подполковнику Жданъ-Пушкину, въ которомъ просила его принять участіе въ Достоевскомъ и Дуровѣ.

Долго намъ пришлось прождать запоздалыхъ путниковъ; не помню, что задержало ихъ отправку, и 30-ти-градусный морозъ порядочно начиналъ насъ пробирать въ открытомъ полѣ. Прислушиваясь безпрестанно къ малѣйшему шороху и звуку, мы ходили взадъ и впередъ, согрѣвая ноги и мучаясь неизвѣстностью, чему приписать ихъ замедленіе. Наконецъ, мы услышали отдаленные звуки колокольчиковъ. Вскорѣ изъ-за опушки лѣса показалась тройка съ жандармомъ и сѣдокомъ, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поровнялись съ нами, махнули жандармамъ остановиться, о чемъ уговорились съ ними заранѣе. Изъ кошевыхъ (сибирскій зимній экипажъ) выскочили Достоевскій и Дуровъ. Первый былъ худенькій, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человекъ, а второй лѣтъ на десять старше товарища, съ правильными чертами лица, съ большими черными, задумчивыми глазами, черными волосами и бородой, покрытой отъ мороза снѣгомъ. Одѣты были они въ арестантскіе полушубки и мѣховые малахаи, въ родѣ шапокъ съ наушниками; тяжелые кандалы гремѣли на ногахъ. Мы наскоро съ ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь изъ проѣзжающихъ не засталъ насъ съ ними, и успѣли только имъ сказать, чтобъ они не теряли бодрости духа, что о нихъ и тамъ будутъ заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо къ Пушкину жандарму, которое онъ аккуратно и доставилъ ему въ Омскѣ.

Они снова усѣлись въ свои кошевые, ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и тройки помчали ихъ въ непроглядную даль горькой ихъ участи. Когда

замеръ послѣдній звукъ колокольчиковъ, мы, отыскавъ наши сани, возвратились чуть не окоченѣвшія отъ холода домой»¹⁷.

С прибытием в Омск началась каторжная жизнь, о которой Достоевский рассказал в письмах, в «Записках из Мертвого Дома», в «Дневнике Писателя».

В Омский острог Достоевский привез две книги: полученную от брата еще в Петербурге Библию на церковнославянском языке и подаренный в Тобольске Новый Завет 1823 года издания на русском языке. Библию украл и пропил арестант Петров. У Достоевского остался Новый Завет — он сохранил эту книгу на всю жизнь, никогда не расставался с ней.

Это издание было первым полным переводом Евангелия на современный русский язык, выполненным Российским библейским обществом (РБО) по повелению императора Александра I. Общество было образовано в 1813 году для печатания и распространения книг Священного Писания на языках народов России, в 1826 году его деятельность была приостановлена. Лишь в 1858 году один из инициаторов первого издания митрополит Московский Филарет получил от императора Александра II разрешение на новый перевод Библии, названный позже «синодальным».

Для Натальи Дмитриевны Новый Завет 1823 года был посланием из прошлого, из времени, когда еще ничто не предвещало будущие испытания. Тобольский дар сокровенно связал декабристов и петрашевцев. Благодаря этому дару, их встреча приобрела символический смысл.

Жены декабристов одарили Евангелием каждого из «узников совести», но именно Достоевского преобразила воспринятая в страданиях Благая Весть; точнее — именно в его жизни это событие стало литературным фактом.

Эта Книга стала указанием, как в страданиях пройти свой путь искупления, она стала залогом будущего «перерождения убеждений» и духовного возрождения, основанием «новой жизни» Достоевского.

Так получилось, что благодаря воспоминаниям и письмам Достоевского, Натальи Дмитриевны Фонвизиной, Марии Дмитриевны Францевой мы многое знаем о пребывании Достоевского и петрашевцев в Тобольске и Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ Достоевский Э. Дневникъ Писателя. II. Старые люди // Гражданинъ. 1873. Январь. С. 16—17.

² Достоевская А. Г. Отрывки и черновые наброски «Воспоминаний» // НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15. С. 16—17.

- ³ Достоевский добрым словом отзывался о поручике Прокофьеве: «*Всѣ мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. [Это б] Оказалось, что это былъ славный старикъ, добрый и челоуѣколюбивый до насъ, какъ только можно представить, челоуѣкъ бывалый, бывший во всей Европѣ — съ депешами. Дорогой онъ намъ сдѣлалъ много добра. Его зовутъ Кузьма Прокофѣичъ Прокофѣевъ. Между прочимъ онъ насъ пересадилъ въ [кры] закрытыя сани, что намъ было очень полезно; потому что морозы были ужасные. <...> Одинъ Кузьма Прокофѣичъ, взялъ чуть-ли не половину нашихъ расходовъ на свой счетъ, взялъ насильно, и такимъ образомъ, [добровольно лишился выгоды отъ д<оставки>] /мы/ заплатили только по 15 руб. сереб. каждый за трату въ дорогъ» (НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. Л. 16—16 об.; в тридцатитомном Полном собрании сочинений Достоевского последнее предложение прочитано неверно: «...мы [добровольно оплачивая вклад от] заплатили». — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л. : Наука, 1985. С. 168).*
- ⁴ НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. Л. 16 об.
- ⁵ Достоевский Ф. М. Дневникъ Писателя. II. Старые люди // Гражданинъ. 1873. Январь. С. 16—17.
- ⁶ В письмах М. А. Фонвизина, отправленных по почте в январе—феврале 1850 года брату и сыновьям, нет и намек на тайные заботы декабристского сообщества Тобольска (Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1: Дневник и письма. Иркутск, 1979. С. 325—333).
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 391.1.13. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 2 об.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 4 об.
- ¹¹ НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. Л. 16 об.
- ¹² НИОР РГБ. Ф. 391.1.13. Л. 6.
- ¹³ Там же. Л. 3.
- ¹⁴ Достоевский Ф. М. Записки изъ Мертваго Дома // Полное собрание сочинений: канонические тексты; под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. III. Петрозаводск, 1997. С. 475.
- ¹⁵ Достоевский Ф. М. Дневникъ Писателя. II. Старые люди // Гражданинъ. 1873. Январь. С. 17.
- ¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 391.1.13. Л. 5 об.
- ¹⁷ [Францева М. Д.] Воспоминанія М. Д. Францевой // Историческій Вѣстникъ. 1888. № 6. С. 628—629. В письме М. А. Фонвизина брату от 23 января 1850 г. есть указание на следствие этого свидания на морозе: «Наталья немного простудилась и теперь с сильным насморком и немного кашляет» (Фонвизин М. А. Указ. соч. С. 326).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Житомирская, С. В. Встречи декабристов с петрашевцами / С. В. Житомирская // Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — [Ч.] II. — Кн. 1. — С. 615—628.
2. Громыко, М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского / М. М. Громыко. — Новосибирск : Наука, 1985. — 168 с.

3. Гроссман Л. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. Материалы Центрального военно-исторического архива о петрашевцах и Достоевском / Л. Гроссман // Литературное наследство / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. — М.: Жур.-газ. объединение, 1935. — Т. 22—24. — С. 683—736.
4. Захаров, В. Н. Достоевский в Тобольске / В. Н. Захаров // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. — Альманах № 18. — Тобольск, 2012. — С. 67—85.
5. Захаров, В. Н. Имя автора — Достоевский / В. Н. Захаров. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.